

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

«СУДЬБА МОЯ
СГОРЕЛА МЕЖДУ СТРОК...»

Санкт-Петербург

ГОСТЬЯ-ЗВЕЗДА

1929-1940

ПЕРЕД ЛИСТОПАДОМ

Все разошлись. На прощанье осталась
Оторопь желтой листвы за окном,
Вот и осталась мне самая малость
Шороха осени в доме моем.

Выпало лето холодной иголкой
Из онемелой руки тишины
И запропало в потемках за полкой,
За штукатуркой мышьиной стены.

Если считаться начнем, я не вправе
Даже на этот пожар за окном.
Верно, еще рассыпается гравий
Под осторожным ее каблуком.

Там, в законном тревожном покое,
Вне моего бытия и жилья,
В желтом, и синем, и красном — на что ей
Память моя? Что ей память моя?

1929

ПРОХОЖИЙ

Прохожему — какое дело,
Что кто-то вслед за ним идет,
Что мне толкаться надоело,
Стучаться у чужих ворот?

И никого не замечает,
И белый хлеб в руках несет,
С досужим ветерком играет,
Стучится у моих ворот.

Из дома девушка выходит,
Подходит и глядит во тьму,
В лицо ему фонарь наводит,
Не хочет отворить ему.

— Что, — скажет, — бродишь, колобродишь,
Зачем еще приходишь к нам,
Откуда, — скажет, — к нам приходишь
Стучаться по ночам?

1931

КОЛЫБЕЛЬ

Андрею Т.

Она:

Что всю ночь не спишь, прохожий,
Что бредешь — не добредешь,
Говоришь одно и то же,
Спать ребенку не даешь?
Кто тебя еще услышит?
Что тебе делить со мной?
Он, как белый голубь, дышит
В колыбели лубяной.

Он:

Вечер приходит, поля голубеют, земля сиротеет.
Кто мне поможет воды зачерпнуть из криницы
глубокой?
Нет у меня ничего, я все растерял по дороге;
День провожаю, звезду встречаю. Дай мне
напиться.

Она:

Где криница — там водица,
А криница на пути.
Не могу я дать напиться,
От ребенка отойти.

* * *

Река Сугаклея уходит в камыш,
Бумажный кораблик плывет по реке,
Ребенок стоит на песке золотом,
В руках его яблоко и стрекоза.
Покрытое радужной сеткой крыло
Звенит, и бумажный корабль на волнах
Качается, ветер в песке шелестит,
И все навсегда остается таким...
А где стрекоза? Улетела. А где
Кораблик? Уплыл. Где река? Утекла.
(1933)

ДОМ

Юность я проморгал у судьбы на задворках,
Есть такие двory в городах —
Подымают бугры в шелушащихся корках,
Дышат охрой и дранку трясут в коробах.

В дом вошел я, как в зеркало, жил наизнанку,
Будто сам городил колченогий забор,
Стол поставил и дверь притворил спозаранку,
Очутился в коробке, открытой во двор.

Погоди, дай мне выбраться только отсюда,
Надоест мне пластаться в окне на весу;
Что мне делать? Глумись надо мною, покуда
Все твои короба растрясу.

Так себя самого я угрозами выдал.
Ничего, мы еще за себя постоим.
Старый дом за спиной набухает, как идол,
Шелудивую глину трясут перед ним.

(1933)

* * *

Зеленые рощи, зеленые рощи,
Вы горькие правнуки древних лесов,
Я — брат ваш, лишенный
наследственной мощи,
От вас уйду, задвигаю засов.

А если я из дому вышел, уж верно,
С собою топор прихватчу, потому
Что холодно было мне в яме пещерной
И в городе я холодаю в дому.

Едва проявляется день на востоке,
Одетые в траурный чад площадей,
Напрасно вопят в мегафоны пророки
О рощах-последышах, судьях людей.

И смутно и боязно в роще беззвучной
Творить ненавистное дело свое:
Деревья — под корень, и ветви — поштучно...
Мне каждая ветка — что в горло копьё.

(Конец 1970-х)

* * *

Под сердцем травы тяжелеют росинки,
Ребенок идет босиком по тропинке,
Несет землянику в открытой корзинке,
А я на него из окошка смотрю,
Как будто в корзинке несет он зарю.

Когда бы ко мне побежала тропинка,
Когда бы в руке закачалась корзинка,
Не стал бы глядеть я на дом под горой,
Не стал бы завидовать доле другой,
Не стал бы совсем возвращаться домой.

⟨1933⟩

* * *

Если б, как прежде, я был горделив,
Я бы оставил тебя навсегда;
Все, с чем расстаться нельзя ни за что,
Все, с чем возиться не стоит труда, —
Надвое царство мое разделив.

Я бы сказал:

— Ты уносишь с собой
Сто обещаний, сто праздников, сто
Слов. Это можешь с собой унести.

Мне остается холодный рассвет,
Сто запоздалых трамваев и сто
Капель дождя на трамвайном пути,
Сто переулков, сто улиц и сто
Капель дождя, побежавших вослед.

(1934)

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

То были капли дождевые,
Летающие из света в тень.
По воле случая впервые
Мы встретились в ненастный день,

И только радуги в тумане
Вокруг неярких фонарей
Поведали тебе заране
О близости любви моей,

О том, что лето миновало,
Что жизнь тревожна и светла,
И как ты ни жила, но мало,
Так мало на земле жила.

Как слезы, капли дождевые
Светились на лице твоём,
А я еще не знал, какие
Безумства мы переживем.

Я голос твой далекий слышу,
Друг другу нам нельзя помочь,
И дождь всю ночь стучит о крышу,
Как и тогда стучал всю ночь.

* * *

Записал я длинный адрес на бумажном лоскутке,
Все никак не мог проститься и листок держал
в руке.

Свет растекся по брусчатке. На ресницы, и на мех,
И на серые перчатки начал падать мокрый снег.

Шел фонарщик, обернулся, возле нас фонарь зажег,
Засвистел фонарь, запнулся,
как пастушеский рожок.

И рассыпался неловкий, бестолковый разговор,
Легче пуха, мельче дроби... Десять лет прошло
с тех пор.

Даже адрес потерял я, даже имя позабыл
И потом любил другую, ту, что горше всех любил.

А идешь — и капнет с крыши: дом и ниша у ворот,
Белый шар над круглой нишей, и читаешь:
кто живет?

Есть особые ворота и особые дома,
Есть особая примета, точно молодость сама.

* * *

Т. О.-Т.

Я боюсь, что слишком поздно
Стало сниться счастье мне.
Я боюсь, что слишком поздно
Потянулся я к беззвездной
И чужой твоей стране.

Мне-то ведомо, какую —
Ночью темной, без огня,
Мне-то ведомо, какую
Неспокойной, молодую
Ты бываешь без меня.

Я-то знаю, как другие,
В поздний час моей тоски,
Я-то знаю, как другие
Смотрят в эти роковые,
Слишком темные зрачки.

И в моей ночи ревнивой
Каблучки твои стучат,
И в моей ночи ревнивой
Над тобою дышит диво —
Первых оттепелей чад.